

не и о равенстве полов, вступившем в силу благодаря тоталитарной идеологии и западному феминизму. Новые амазонки сражаются, но они уже выступают как антигероини.

Таким образом, в русском мета-дискурсе образ женщины-воина воспринимается как эфемерный и сквозной, так как женщина может принять участие в борьбе за выживание, но как только опасность проходит, по ницшеанской концепции вечного возвращения, она должна вернуться к своей роли спутницы, той, которая даёт и защищает жизнь. Таким образом, перечтение парадигматических текстов позволяет нам проследить инварианты и убеждает нас в устойчивости мифем вопреки провозглашенному разрыву с прошлым¹.

О.А. Симонова

*г. Москва, Институт мировой литературы им. А.М. Горького
РАН*

Образ сестры милосердия в русской литературе XIX–XX вв.: границы дозволенного

Боевая армия воспринимается как сугубо мужской мир. Поэтому появление женщин на фронте в XIX – начале XX века стало предметом особых рефлексий и полемик. Оппозиция женщины войне объясняется тем, что женское начало – родящее, созидующее, оно отрицает бессмысленные разрушения и убийства. Женщина является символом мира, носителем жизни, она сохраняет, поддерживает и продолжает ее.

Очевидно, что при таком подходе под «женщиной» понимается идеологический конструкт. Желания реального индивидуума не учитываются, она помещается в контекст биологических и культурно-философских представлений о ней. В частности, ей отказывается в гражданско-патриотической позиции. На самом деле некоторые женщины хотели воевать наравне с мужчинами.

Со времен Крымской войны 1853–56 гг. в русской литературе появляется образ сестры милосердия. Зачастую этот образ объективируется: сестра изображается в восприятии раненого бойца, для него она является частью окружающей обстановки. В

¹ Козлов В.В. Гендерная психология. СПб., 2010. С. 40–53.

мужском мире героев наиболее примечательна ее женственность: «хорошенькая сестра» становится навязчивой мыслью героя рассказа Л.Н. Толстого «Севастополь в августе 1855 года». Такой подход – один из самых распространенных в изображении сестер милосердия. Раненый прежде всего ищет в сестре проявлений женственности: во внешности, разговоре, поведении.

Сестры реальные и сестры литературные становились жертвами идеализации со стороны мужчин. Писатели, осознавая противоестественность, «неправильность» нахождения женщины на фронте, чувствовали потребность обозначить ее место. Так в военной литературе развивается привычный стереотип о женщине как украшении в жизни мужчины. В поэзии и прозе воспевается молодость, красота и очарование сестер, что вступает в противоречие с реалиями войны. На фронте молодость и внешняя привлекательность отвлекают сестру от работы, делают ее объектом постоянных ухаживаний со стороны раненых, поэтому, как писал Л.Н. Войтоловский в мемуарах «Всходил кровавый Марс: по следам войны», многие врачи предпочитали набирать сестер в возрасте.

Русская литература второй половины XIX – начала XX века создала образ практически святой сестры милосердия, высшего существа, неутомимой труженицы, пренебрегшей своей личной жизнью во имя блага людей (В.В. Немирович-Данченко «Сестра Васильева», К.В. Лукашевич «Даша Севастопольская», Л.А. Чарская «Сестра Марина», Т.П. Мятлева «Сестра милосердия» и др.). В произведениях сестры милосердия часто назывались святыми, ангелами, в формировании образа неизменно присутствовали христианские мотивы. Изображение быта, физиологии, душевных проявлений негероического порядка оказывались под запретом. Выхолощенный идеальный образ становился образцом для читателей. Такой подход также исключал изображение женщины как обычного человека, какой она сама себя видела, какой была на самом деле. Но святость сестры была оправданием ее участия в войне, ставила ее в положение «над схваткой».

Всё же это была святость номинативная: в литературе возникает антитеза сестринства и монашества. Сестринство – не окончательный выбор, более того, беллетристы зачастую испытыва-

ют свою героиню, создают ей ситуацию выбора, показывают возможность выхода из госпиталя. Правда, редкая сестра уходит из больницы: обычно беллетрист трактует ее деятельность как наполненную высшим смыслом и единственно правильную. В реальной жизни сестринство не было обыденным явлением. Уход в сестры милосердия был личностным поступком, уязвляющим общественные представления о «правильной» женской роли, иногда он даже трактовался как нарушение приличий.

Во время русско-японской войны тип святой сестры милосердия вытесняется «типом сестры с завитушками, духами, шелковыми юбками и т.п.»¹. Правда, если добродетель сестер и ставится под сомнение, то они продолжают проповедовать нравственные ценности, в записках В.В. Вересаева «На японской войне» сестры укоряют солдат, говорят им, «что воровать нехорошо».

В Первую мировую войну идеализация образа сестры милосердия являлась одной из задач пропаганды. Этот образ всегда был призван воспитывать патриотические чувства читателей, теперь он должен был напрямую продуцировать реальность. Образ сестры милосердия становится центральным в литературе, ориентированной на женщин. Таким образом, военная проза поворачивается лицом к женщинам, ведь неискушенный читатель соотносит себя с главным героем, женщине логичнее проецировать на себя образ героини.

Становясь сестрой милосердия, героиня обретает смысл своей жизни. Это инициация для женщины, выход из своего домашнего пространства в общественное пространство. Сестринство – это возможность для женщины реализоваться в труде и тем самым поднять звание женщины, сделать шаг к равноправию полов. Но в самом обращении в сестры происходит столкновение феминистского и патриархатного дискурсов: уход в сестры как самостоятельный поступок, вызов родным и обществу на самом деле оказывается возвращением женщины к традиционному для нее занятию – уходу за страждущими.

¹ Щербинин П.П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX века. Тамбов, 2004. С. 383.

В прозе о гражданской войне сохраняется объективизация образа, но дискредитируется поведение сестер милосердия, которые становятся безотказными в сексуальном плане (А.А. Фадеев «Разгром», И.Э. Бабель «Конармия»). Реализуется противоречивое мужское представление о сестре милосердия как одновременно ангеле и подруге воина.

Литературе о Великой Отечественной войне удается преодолеть ограничения в изображении сестер. Появляются голоса, обосновывающие право героини сохранять собственное «я». Ю.В. Друнина в своей поэзии преодолевает границы женственности образа, заявляет о возможности сестре быть посолдатски резкой. Она же пишет о внутренней борьбе, происходящей в душе санитарки, которая заставляет себя быть смелой, вытаскивать раненых под обстрелом. Показывается обычная негероическая жизнь на фронте и проблемы, с которыми сталкиваются сестры (беременность в повести И. Грековой «Вдовый пароход»).

А.А. Савчук, П.А. Щербина

г. Владивосток, Дальневосточный федеральный университет

Изменение социальной роли женщины на Дальнем Востоке в период Первой мировой войны (по материалам благотворительных организаций)

К началу XX века в российском обществе наиболее поощряемой формой общественной деятельности для женщин высших социальных слоев империи была благотворительность, направленная на улучшение условий жизни представительниц непривилегированных сословий и их детей.

Первая мировая война привела к вынужденному вовлечению семейных женщин «из низов» в трудовую деятельность, до этого не поощряемую властями. Семья и воспитание детей являлись основными сферами приложения труда таких женщин, содержать же семьи было обязанностью их мужей. Мобилизация мужчин фактически оставляла их без средств к существованию, что вынуждало женщин искать работу, которая в силу их низкой квалификации была мало оплачиваемой. В этой ситуации дети оставались без присмотра, так как ясли и детские сады были не-